

Сяоюй поднял бровь. Чжу Дачжуан, видимо, был сильно напуган прежним поведением Сяоюя, раз перед тем, как заговорить, сразу очертил границы. Хотя Сяоюй понимал, что это было сказано в адрес его прежнего «я», ему всё равно было немного неприятно. Это было откровенное пренебрежение!

Чистейшее пренебрежение!

— Я не буду думать плохо. У меня есть чувство собственного достоинства, и все прошлые события остались позади. Спрашивай, что хочешь! — После короткого общения Сяоюй понял, что Чжу Дачжуан был честным человеком, и если он что-то спрашивал, то это было важно. Он сдержал себя, чтобы не вспылить.

— Я помню, что дядя Чжоу Хэ был трудолюбивым, и в вашем доме должно было быть какое-то имущество. Но я слышал от Мо Чжоу, что вы с братом живёте в трудностях и у вас нет ни гроша. Деньги, наверное, забрал Чжоу Живодер? Что ещё он у вас забрал? Это можно обсудить со старостой и старейшинами клана, они обязательно восстановят справедливость. В нашей деревне есть правило — нельзя обижать сирот и стариков. — Чжу Дачжуан, услышав слова Сяоюя, понял, что тот, кажется, оставил свои прежние намерения. Он должен был бы радоваться, но почему-то чувствовал странное беспокойство.

Нельзя обижать сирот и стариков? В деревне есть такое правило?

Хорошее правило!

Неважно, как оно применяется на практике, для него и младшего брата это было ещё одной защитой.

— Когда дядя и тётя пришли, они перевернули весь дом вверх дном. Я был болен, а Сяоюань ещё маленький, мы не могли сказать ни слова. Ты знаешь характер моего дяди. У нас с Сяоюанем только он один остался из родни. После смерти родителей мы должны были терпеть его побои и ругань, ведь «сыновняя почтительность» обязывает. Что я мог сказать? Дядя грозился продать меня. Меня это не пугало, но я беспокоился, что будет с Сяоюанем, если меня продадут? — Сяоюй опустил голову, вытирая глаза. Он сильно потерял их, и они покраснели, словно он вот-вот заплачет.

— Ты... не плачь! Давай поговорим спокойно! Хотя он ваш родной дядя, но раньше каждая семья жила отдельно, и он не имеет права вмешиваться в ваши дела. Сыновняя почтительность — это хорошо, но нельзя слепо подчиняться. Старейшины клана ещё живы, и он не может тут хозяйничать! Если он снова будет вас обижать, идите к старейшинам и старосте. Сяоюань ещё маленький, ты должен быть сильным. — Чжу Дачжуан не мог видеть, как Сяоюй вытирает слёзы. Нужно говорить прямо, зачем плакать?

— Спасибо, брат Чжу, за эти слова! Я спокоен! Если дядя снова... ты сможешь заступиться за нас? — Сяоюй специально изображал жалобу, чтобы заручиться поддержкой Чжу Дачжуана. Чжоу Живодер, получив отпор, вряд ли надолго успокоится, и он обязательно попытается отомстить, используя своё положение старшего.

Сяоюй больше всего боялся, что Чжоу Живодер, как их единственный родственник, захочет выдать его замуж против воли и заберёт Сяоюаня, чтобы издеваться над ним. Ведь обе эти вещи были вполне законными: браки устраивали старшие, а в их семье не было мальчиков, так что Сяоюань был единственным продолжателем рода. Забрать его на воспитание было бы логично, и тогда всё имущество перешло бы к Чжоу Живодеру и его жене.

Чжоу Живодер и его жена не были глупыми. Пока они об этом не думали, но Сяюю хотел заранее создать у Чжу Дачжуана негативный образ дяди, чтобы в случае необходимости тот мог за них заступиться.

Ведь Чжу Дачжуан был единственным сыном старосты и, вероятно, следующим главой деревни. Его слова имели вес.

— Не беспокойся, если он снова будет угрожать продать тебя или бить, не стой сложа руки, защищайся! Перед старостой и старейшинами ты будешь прав! Я обязательно помогу вам с братом! — Чжу Дачжуан нахмурился. Чжоу Живодер действительно вёл себя нагло, угрожая детям своего брата, словно старосты не существовало.

— Спасибо, брат Чжу! Ты действительно добрый и справедливый! — Сяюю был в восторге от этих слов и сладко улыбался.

— Но в этот раз дядя просто пришёл ночью, обыскал дом, не нашёл денег, забрал пять мешков зерна, разозлился и разбил кое-что в доме. У нас действительно не осталось ни гроша. Дядя вернул зерно, и это уже хорошо! — Сяюю не стал полностью очернять Чжоу Живодера, но его слова звучали так, будто он боялся жаловаться и считал возврат зерна большим благом.

Настоящий мягкосердечный! Немного трусливый.

Но по отношению к нему он был только на словах строгим!

— Эх, ты! Нельзя быть таким мягким, терпя все обиды. Ты должен думать о Сяююане, ведь ты его кормишь. У меня есть один лян серебра, возьми, чтобы вам хватило. — Чжу Дачжуан достал из кармана небольшой кусочек серебра и положил его перед Сяююем. Он уже давно хотел помочь братьям.

Ведь зимой нельзя питаться только зерном!

Сяюю посмотрел на серебро, думая, что Чжу Дачжуан действительно был щедрым. Ему сейчас как раз не хватало денег, и, что бы он ни задумал, ему нужен был начальный капитал.

Чжу Дачжуан, видя, что Сяюю молчит, боялся, что тот из-за своей гордости откажется, и поспешил добавить:

— Не спеши, можешь вернуть мне осенью, когда соберёшь урожай.

Говоря о посевах, Чжу Дачжуан вдруг вспомнил кое-что.

— У вас ещё есть купчая на дом и землю?

Чжу Дачжуан заговорил о сборе урожая, чтобы успокоить Сяююя, но, говоря о зерне, он вспомнил о купчих на землю и дом и с тревогой спросил:

— У вас ещё есть купчие на землю и дом?

С характером Чжоу Живодера, если он нашёл их, то обязательно забрал. Надеюсь, у Сяююя хватило ума спрятать их заранее.

Услышав о купчих, Сяюю напрягся. Когда он был у дяди, он помнил только о зерне, а о купчих раньше не знал. Как современный человек, он не мог обратить на это внимание. Но, подумав, он вспомнил, что дядя и тётя действительно забрали какие-то документы. Прежний Сяююю, не

зная грамоты, конечно, не понял, что это было.

Не нужно было объяснять Чжу Дачжуану, насколько важны были купчие. Только что он обрадовался, что зерна хватит на зиму, как тут же столкнулся с новой проблемой.

Чжоу Живодер, надеюсь, ты хоть немного соображаешь!

Если ты изменишь имена в купчих или заложишь их, я сделаю так, что ты действительно станешь Чжоу Живодером!

Сяоюй внутри кипел от злости, придумывая сотни способов наказать дядю, но внешне он сохранял спокойствие и мягко сказал:

— Купчие, наверное, у дяди. В ту ночь он, как старший, забрал их, а я не посмел возразить, боясь, что дядя и тётя, как говорили, заберут Сяоюаня и заставят его работать как раба.

Сяоюй мысленно похлопал себя по плечу, говоря «отлично сыграно». Чжоу Живодер и его жена были настоящими негодьями, и он обязательно заставит их потерять лицо. Если бы он не оказался в этом теле, Сяоюань сейчас был бы в ужасном положении.

Возможно, вся семья уже бы воссоединилась на том свете!

Сяоюй изображал жалобу перед Чжу Дачжуаном, чтобы проверить, насколько тот готов помочь и будет ли он действительно заступаться за них, как обещал.

Чжу Дачжуан понял, что его предположения подтвердились. Чжоу Живодер и его жена были хуже воров, приходили и забирали всё, что могли.

Для крестьян дом и земля были самым ценным, и забрать их — всё равно что убить человека.

— Эти вещи ты обязательно должен вернуть. Это плоды труда твоих родителей, и они будут кормить тебя и Сяоюаня в будущем. — Чжу Дачжуан внутренне презирал Чжоу Живодера и его жену, видя, что они не проявляют никакой жалости к детям своего брата. Ведь Чжоу Хэ был их родственником, и Сяоюань был единственным продолжателем рода. Нельзя обижать молодых, ведь кто знает, может, Сяоюань станет великим человеком. Загнать себя в угол — это тоже талант!

Помогать этим братьям было бы куда лучше, чем быть таким «умным».

— Я хочу вернуть их, но дядя и тётя — трудные люди. Мне не следовало бы говорить этого, но... брат Чжу, как ты думаешь, что мне делать? — Сяоюй притворился беспомощным и почтительным, изображая слабого и послушного человека.

Постепенно приближаюсь к обновлению в десять вечера~

В следующей главе либо разберусь с дядей, либо заработаю немного денег~

<http://bllate.org/book/16681/1530815>